

**СССР И ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ
АЛБАНО-ГРЕЧЕСКОГО КОНФЛИКТА
В СЕВЕРНОМ ЭПИРЕ (ЮЖНОЙ АЛБАНИИ)
В 1941—1945 гг.**

На балканском побережье Ионического моря с середины XIX в. развивался затяжной албано-греческий спор за обладание исторической областью Северный Эпир (Южная Албания). Он был тесно связан с развитием освободительной борьбы этих народов против османского владычества и разными условиями государственного строительства в Греции и Албании. Важным рубежом этого конфликта было Версальское урегулирование, завершившееся в регионе только к 1921 г. [1, с. 193—208]. Советское руководство проявляло в 1920-х гг. интерес к процессам вокруг Албании, что вылилось в интригу вокруг их дипломатических отношений в декабре 1924 г. Установление в стране диктатуры А. Зогу вызвало живой отклик в Коминтерне. Между тем Рим победил в борьбе за влияние в Албании, навязав ей ряд кабальных договоров. Италия поглотила ее в апреле 1939 г. в форме «личной унии», что принесло странам «оси» геополитический перевес в Средиземноморье. С албанского плацдарма в октябре 1940 г. была развязана итало-греческая война. После нападения Германии на Грецию и Югославию в апреле 1941 г. капитулировавшая Греция была поделена на оккупационные зоны. Под власть итальянского наместника в Албании перешли Чамерия (Южный Эпир), большая часть Косово и Метохии, Западная Македония, части Черногории. Мечты албанских националистов претворились в жизнь, что дало возможность главе албанского марионеточного правительства Мустафе Круи объявить о реализации идеи «Великой Албании» под эгидой Италии [подробней см.: 2, с. 174—184].

Регион Южной Албании продолжал в годы Второй мировой войны оставаться в центре политической жизни страны. Здесь сложились два из трех коммунистических центра: группа Корчи и «группа молодых». Делегаты этих групп на подпольном совещании в Тиране в ноябре 1941 г.

Салькоў Анато́лій Пятро́віч — загадчык кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх сла-
ван Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

создали КП Албании. В состав первого ЦК от группы Корчи вошел Энвер Ходжа. Он был уроженцем Гирокастры, в молодости учился и работал в Корче. В сентябре 1942 г. на партконференции в деревне Большая Пеза на юге Албании был образован Национально-освободительный фронт (НОФ, латинизированное название — *Fronti nacional*). В ноябре 1942 г. сформировался альтернативный — некоммунистический антифашистский центр, который был представлен двумя структурами. Более значимой являлось националистическое движение во главе с Митхатом Фрашери «Балы комбтар», что означало по-албански (*Balli kombëtar*) то же самое — национальный фронт. Оплотом балыстов стал южно-албанский город-порт Влёра. Их программа из десяти пунктов («Декалог») завершалась призывом бороться за этническую Албанию, т. е. за объединение всех населенных албанцами земель. Второй альтернативной структурой была менее влиятельная монархическая «Легалитет» («Легитимность»), сложившаяся только в конце 1943 г., во главе с Абазом Купи, порвавшим с НОФ [3, с. 190—195, 208—209, 232].

Подъему освободительного движения на Балканах объективно способствовали привлекательные принципы самоопределения и суверенитета, изложенные 14 августа 1941 г. в Атлантической хартии Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Декларация СССР от 24 сентября 1941 г. на Межсоюзнической конференции 11 государств в Лондоне не только излагала цели советской внешней политики, но и предлагала определить «пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира». Документ содержал также и согласие с принципами Атлантической хартии [4, док. 46, с. 129]. Однако албанского представителя на этой конференции не было.

Вскоре в Москве начали вызревать первые контуры собственной позиции по албанской проблеме. Во время визита министра иностранных дел Великобритании А. Идена в Москву 16—20 декабря 1941 г. И. В. Сталин в ходе четырех бесед с ним попытался определить сферы влияния в Европе, наметив общую схему реорганизации европейских границ после войны. В ней были положения: «...4. Албания может быть восстановлена как независимое государство при гарантии ее независимости другими державами. <...> 6. Греция должна быть восстановлена в своих старых границах» [5, док. 328, с. 502]. Очевидно, что из содержания этих положений никак не вытекала возможность какой-либо трансформации албано-греческой границы.

При подписании Декларации Объединенных Наций 1 января 1942 г. американский президент Ф. Рузвельт откровенно забыл об Албании и

ее короле Зогу. Из трех великих держав только Англия, считая Балканы сферой своих интересов, более или менее серьезно занималась албанской проблемой. Однако даже при этом заместитель главы Форин офис Брюс Локкарт в апреле 1942 г. заметил: «Албания находится на последнем месте в списке наших приоритетов в Европе». Ситуация изменилась только в конце 1942 г. Большая тройка определила свое отношение к Албании как стране, потерявшей независимость в результате фашистской агрессии, которая должна быть восстановлена после войны, что означало официальное признание освободительной борьбы албанского народа державами антигитлеровской коалиции. 17 декабря с заявлениями на этот счет выступили США и Англия. Имевшаяся в британском документе фраза о том, что вопрос об албанских границах должен быть рассмотрен при заключении мира, была расценена в политических кругах как намерение передать в будущем Греции район Южной Албании (Северного Эпира). Неоднократные призывы премьер-министра греческого эмигрантского правительства Э. Цудероса к Рузвельту включить и в американское заявление аналогичную фразу были отклонены [3, с. 208—211]. В советском заявлении от 18 декабря 1942 г. конкретики не было — отвергались итальянские притязания на Албанию и выражалась уверенность, что борьба албанского народа за независимость «сольется с освободительной борьбой других угнетаемых итало-германскими оккупантами балканских народов» [6, с. 329].

Летом — осенью 1943 г. НОФ взял под свой контроль большинство южноалбанских городов, кроме Влёры, где закрепились балысты. В коминтерновском бюллетене «Внутреннее сообщение» № 66 от 2 июня 1943 г. говорилось, что в Южной Албании «настоящее восстание и позиции партизан очень сильны» [7, л. 49]. По соглашению в дер. Мукье (1—2 августа 1943 г.) оба албанских антифашистских центра образовали совместный Комитет спасения Албании. Его лозунг «этнической Албании» воспринимался в качестве метафоры все той же программы «Великой Албании». Наиболее спорным вопросом оказался послевоенный статус Косово. Албанские коммунисты, не желая портить отношения с КП Югославии, поддержали идею возвращения области Югославии, что никак не устраивало балыстов. После выхода Италии из войны в июле 1943 г. ее оккупационную зону в Албании заняли немецкие войска. Германии удалось внести раскол в албанское движение Сопротивления, взяв курс на восстановление албанской независимости и передачу Косово Албании, что привлекло «Балы комбтар» на сторону Берлина. В сентябре 1943 г. было объявлено об отмене «личной унии» с Италией. По-

пытки западных союзников создать в Албании коалиционное антифашистское правительство оказались безуспешными. Вместе с тем и НОФ, и «Балы комбтар» согласились, что косовский вопрос должен решаться плебисцитом. Однако под югославским давлением албанские коммунисты изменили свою позицию. В сентябре 1943 г. их отряды вероломно напали на четы балыстов, развязав гражданскую войну, которая продолжалась в течение всего 1944 г., главным образом на территории Южной Албании [3, с. 219—222].

В сентябре 1943 г. начала работать Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР. Ее председатель М. М. Литвинов обратился 9 сентября к И. В. Сталину и В. М. Молотову с запиской, содержащей перечень вопросов для изучения и разработки. Албании был посвящен целый раздел из трех пунктов: албанская проблема, границы Албании, создание власти в Албании. Причем первый пункт понимался «в смысле решения вопроса — сохранить ли Албанию как самостоятельное государство или включить ее целиком или по частям в границы соседних стран», после чего два последующих пункта теряли всякое значение. За этой емкой фразой прочитывалась возможность либо (в случае, если «целиком») присоединения всей Албании к новой Югославии, либо (в случае, если «по частям») не исключалась вероятность перехода к Греции спорного региона. Однако из трех пунктов раздела по Греции (Западная Фракия, Салоники, Кипр) прямо этого не следовало [8, док. 55, с. 241, 245—245]. Итак, изменение советской позиции по Албании было разительным и отражало начало схватки внутри антигитлеровской коалиции за геополитическое влияние на Балканах, и особенно на их западном побережье.

Осенью 1943 г. высокую дипломатическую активность развил греческий посол в Москве А. Политис. 1 октября он передал ноту своего правительства, адресованную В. М. Молотову, в которой высказывалось желание Греции «удалить Италию из западной части Балканского полуострова» и подчеркивалась необходимость расторжения всех итало-албанских договоров [9, л. 136, 138—139]. Затем Политис долго добивался приема у Молотова, но был принят заместителем наркома А. Е. Корнейчуком. В ходе встречи греческий посол много места уделил проблеме Албании. Она, по его мнению, представляет собой «живой труп», «...никогда не была и не может быть независимым государством, которое могло проводить самостоятельную политику». Поэтому Албания стала «жертвой Италии и теми воротами, через которые Италия вошла на Балканы». Причем Политису была известна декларация союзников

о независимости Албании, но он еще раз выразил уверенность, что «существование Албании как самостоятельного государства на Балканах вряд ли возможно. Греция же заинтересована в присоединении к ней территории Северного Эпира». А. Политис напомнил, что после высадки союзников на Сицилии (10 июля 1943 г.) греческое эмигрантское правительство заявило СССР, Англии и США, что считает «безусловно справедливым актом передачу Греции Додеканезов и Северного Эпира, территории которых населены греками» [9, л. 158—162].

Албанская диаспора располагала влиятельными центрами эмиграции, которые базировались в Бостоне (США). Среди них выделялись две соперничавшие организации: монархическая Пан-Албанская федерация «Ватра» («Очаг») (создана Фаном Ноли еще в 1912 г.) и республиканский Комитет Свободной Албании (образован в декабре 1941 г.). Неудивительно, что албанская тематика и судьба спорной территории стали фактом американской политической жизни. В сентябре 1943 г. на страницах «Вашингтон пост» развернулась полемика между греческим послом в США Х. Диамантопулосом и бывшим американским послом в Албании, председателем «Общества американских друзей Албании» Ш. Хартум. Грек считал, что албанцы не сопротивлялись итальянским оккупантам, не оказывают помощи греческим антифашистам, а албанские нерегулярные партизанские группы лишь грабят греческое население Северного Эпира, которое «всегда добивалось объединения с Грецией». Американец же давал ему отповедь по всем пунктам. Харт утверждал, что албанцы составляют большинство населения не только в Северном, но и в Южном Эпире. Поэтому если будет проводиться плебисцит, то он должен проходить и в албанской, и в греческой частях Эпира. Харт также был уверен, что А. Иден дал какое-то секретное обязательство Греции за счет Албании и «маленькая страна была втихомолку продана грекам» [10, л. 73—74]. Примечательно, что эти две позиции содержали в зародыше основные аргументы жаркой дискуссии по албанскому вопросу на Парижской мирной конференции 1946 г.

Англия продолжала придерживаться особой позиции. Заявление Черчилля в Палате общин 4 ноября 1943 г. содержало теплую оценку борьбы албанских партизан, пожелание видеть Албанию свободной и независимой, но завершалось знакомой формулой: «границы, конечно, будут рассмотрены при установлении мира» [10, л. 71]. Позже бывший итальянский наместник в Албании Франческо Якомони писал в мемуарах, что английская постановка вопроса о границах вынудила всех албанских политиков с большей надеждой взирать на Россию [3, с. 211].

Вице-председатель Комитета Свободной Албании Т. Завалани направил в советское посольство при союзных правительствах в Лондоне письмо (от 24 января 1944 г.) и пакет документов [11, л. 1]. Среди них был и меморандум «Албания под нацистской оккупацией». В нем излагалось мнение о том, что Атлантическая хартия и заявления союзников о восстановлении независимости Албании помогут ей вернуть Косово и Чамерию (Южный Эпир), которые, «на сто процентов являясь албанскими, будут принадлежать освобожденной Албании» [10, л. 59, 61—62]. Руководство «Ватры», в свою очередь, приняло 17 сентября 1944 г. резолюцию, признававшую Временное правительство Э. Ходжи в Пермети, которое «в состоянии освободить Албанию, сохранить Южную Албанию и бороться за наши национальные права и целостность». Примечательно, что лучшим средством реализации этих задач признавалась гипотетическая Балканская федерация [11, л. 5—6].

Советская дипломатия и спецслужбы были хорошо осведомлены о ситуации в Южной Албании. В январе 1944 г. в IV Европейском отделе НКВД были собраны и аннотированы материалы по Албании. Среди них выделялась публикация албанской бостонской газеты «Диелы» («Солнце», ее первым редактором еще в 1909 г. был Фан Ноли), направленной против притязаний Греции на Северный Эпир. В статье утверждалось, что население этой исторической области (250 тыс. человек) почти полностью албанское, при этом 150 тыс. являются мусульманами, а 100 тыс. — православными. Южная Албания имеет жизненное значение для албанского государства (здесь проживает 1/4 часть всего населения страны), притязания же Греции на эту область «отражают лишь шовинистические взгляды некоторых греческих элементов». Делался вывод, что албанский народ не должен отвечать за преступления итальянского фашизма против Греции, поэтому Южная Албания должна остаться албанской [10, л. 6].

Бюро пропаганды на вражеские и оккупированные врагом территории Политуправления РККА периодически обобщало разведанные о положении в Албании. В подборке за август — октябрь 1944 г. имелись затрагивавшие проблему албанских границ материалы. В них сообщалось, что Тиранское радио (отражало позицию прогерманского марионетного правительства Реджепа Митровицы, крупного косовского помещика) говорило о налете союзной авиации на город Косовску Митровицу таким образом, как будто он являлся албанским городом. В октябре радио с тревогой сообщало о стремлении Греции включить Северный Эпир в свои границы [11, л. 15, 32].

На завершающем этапе войны лидеры антифашистской коалиции все еще не определили свое отношение к албанской проблеме. В знаменитой записке И. М. Майского по вопросам послевоенного устройства от 10 января 1944 г. отмечалось, что «вопрос об Албании и Македонии требует специального рассмотрения». Греция же «может быть восстановлена в своих старых границах и, сверх того, получить Додеканез...» [12, док. 1, с. 31]. Это не противоречило позиции Комиссии Литвинова, но перспектива выглядела менее конкретной и определенной.

Между тем албанские коммунисты, отразив зимой 1943/44 и летом 1944 г. два наступления немецких оккупантов, перехватили инициативу. 24 мая 1944 г. на конгрессе в южно-албанском городе Пермети они сформировали Антифашистский национально-освободительный совет (АНОС) как законодательный орган. Временным правительством стал Антифашистский национально-освободительный комитет (АНОК) во главе с Энвером Ходжей, назначенным главнокомандующим Народно-освободительной армии (НОА). К середине лета были разгромлены остатки балыстов в Южной Албании.

На этом основании английская и американская военные миссии в Албании, штаб союзных войск в бассейне Средиземного моря, руководство «Балы комбтар» и «Легалитета» пытались представить НОФ и его органы в качестве регионального, только южно-албанского, объединения. Их пропаганда писала о существовании «советской» республики в Южной Албании во главе с Мехметом Шеху (уроженец южно-албанского района Малакастра, в недалеком будущем — второй после Э. Ходжи человек в партии и государстве), старалась направить развитие событий по греческому сценарию. В мае 1944 г. на побережье Химары (Южная Албания) без согласования с партизанами высадился английский десант, но он был уничтожен немецкими войсками, охранявшими береговую линию. Когда в сентябре 1944 г. начался отвод немецких войск из Греции, их путь пролегал через Албанию. Командование британских войск потребовало у генштаба НОА разрешения на высадку десанта в районе южно-албанского города Саранды для создания видимости совместной борьбы. Генштаб согласился, но при условии отвода британских войск сразу после освобождения города, что и было выполнено. Англичанам не удалось легализовать свое присутствие в Южной Албании. Тем не менее на протяжении октября немцы повсеместно отступали. Это позволило НОА завершить в ноябре 1944 г. освобождение страны, внося свой вклад в общую победу (численность албанских потерь в антифашистской борьбе — 28 тыс. человек) [13, с. 374—377, 382].

После тегеранских решений об открытии второго фронта в Северной Франции, а не на Балканах, что автоматически означало освобождение Юго-Восточной Европы Красной Армией, и Лондон, и Москва стала постигать странная (но вполне политическая) забывчивость о самом факте существования Албании. В ходе визита У. Черчилля в Москву 9—18 октября 1944 г. им было заключено с И. В. Сталиным вербальное «процентное соглашение» о разделе «сфер влияния» на Балканах между СССР и Западом (а именно в Румынии, Греции, Югославии, Венгрии и Болгарии) в определенном процентном соотношении, причем ключевым для британского премьера являлся вопрос о Греции. Однако в этом списке не было одной из балканских стран. Позднее У. Черчилль говорил А. Идену, что он просто «забыл про Албанию», влияние в которой следует разделить, «разумеется, 50 на 50 %» [14, с. 417, 420—423].

В концептуальной разработке Комиссии Литвинова «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества» от 15 ноября 1944 г. прогнозировалось, что Англия, включив в зону своего влияния Грецию, будет стремиться никому не уступить контроля над выходом из Балкан в Эгейское и Адриатическое моря. С этой целью она воспротивится предоставлению Болгарии выхода к Эгейскому морю через Западную Фракию и «будет добиваться включения в свою сферу влияния Албании — непосредственно или путем присоединения ее к Греции» [15, л. 32]. В аналитической записке М. М. Литвинова «К вопросу о блоках и сферах влияния» от 11 января 1945 г. утверждалось (ввиду полнейшей конфиденциальности «процентного соглашения»), что поднимаемый вопрос «никем и нигде не ставился». Поэтому заместитель наркома вносил свои предложения как первопроходец. Они сводились к тому, что советская «максимальная сфера интересов, или, лучше сказать, зона безопасности» должна охватить десять государств от Норвегии до Турции. В английскую зону он включал шесть стран и в нейтральную — еще пять. Литвинов прогнозировал, что четыре страны из советской зоны (Норвегия, Швеция, Турция и Югославия) и две из нейтральной (Дания и Италия) «явятся предметом торга и компромиссов» [8, док. 140, с. 595—596]. Почти невероятно, но в подробном раскладе европейских государств и на этот раз, но уже советской стороной, была забыта Албания. Объяснение можно искать в югославских проектах ее поглощения, от которых, впрочем, Москва не была в восторге.

На завершающем этапе войны в стане союзников развернулось геополитическое соперничество за влияние в Западно-Балканском регионе. События в Греции явились первым серьезным сигналом новой рас-

становки сил на международной арене. В стране сформировались две основные организации антифашистского Сопротивления. Прокоммунистический Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ, объединявший 1,4 млн человек) создал Национальную народно-освободительную армию (ЭЛАС, 140 тыс. бойцов). Альтернативной организацией была проанглийская псевдосоциалистическая Национальная республиканская греческая лига (ЭДЭС) во главе с генералом Н. Пластирасом. Их противоборство в условиях немецкой оккупации вылилось с осени 1943 г. в полномасштабную гражданскую войну. Она привела к созданию силами ЭАМ—ЭЛАС «Свободной Греции», охватывавшей 95 % территории страны. 3 октября 1944 г. начался отход из Греции германских частей. Части ЭЛАС 12 октября 1944 г. освободила Афины. Власть в стране фактически находилась в руках КП Греции (450 тыс. членов) и поддерживавших ее ЭЛАС—ЭАМ [16, с. 318—319]. Высадка 5 октября английских войск и их вмешательство в дела Греции носили характер интервенции. В конце декабря 1944 г. Афины, которые даже гитлеровцы не посмели бомбить, были подвергнуты англичанами, в ходе подавления восстания афинян против фактически новой оккупации, ожесточенной бомбардировке и артобстрелу. 3 января 1945 г. было сформировано правительство Н. Пластираса. Соглашение о перемирии между английским командованием и ЭЛАС (11 января 1945 г.) предписывало ей отойти из Центральной Греции. Варкизское соглашение от 12 февраля требовало немедленного разоружения ЭЛАС, и 28 февраля 1945 г. армия прекратила свое существование [16, с. 339—341; 17, с. 117—122].

Москва отказалась от поддержки ЭАМ—ЭЛАС, что стало трудным испытанием для нее и, вероятно, было связано с конфликтом И. В. Сталина с В. М. Молотовым и Г. Димитровым, которые поддерживали обращение КП Греции о помощи. Сталин же оставил призывы греков без ответа. В рабочей карандашной записи Молотова в преддверии Ялтинской конференции о «зонах действия» советских и англо-американских войск (не позднее 4 января 1945 г.) отразилось уже устоявшееся в советском руководстве отношение к Греции как к «чужой» территории [18, док. 36, с. 117—118]. 19 января в беседе с Димитровым Сталин с раздражением и злобой отозвался об обстоятельствах подавляемой народно-демократической революции в Греции: «Я советовал, чтобы в Греции не затевали эту борьбу. Люди ЭЛАС <...> принялись за дело, для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря. Мы этого не можем делать. Мы не можем посылать в Грецию свои войска. Греки совершили глупость» [19, с. 238].

События в Греции во многом обусловили негативное отношение англо-американских союзников к социально-политическим процессам, развивавшимся в Албании, что привело к ее дипломатической изоляции. В начале января 1945 г. Албания не была допущена к участию в учредительной конференции ООН в Сан-Франциско на том основании, что формально она не объявляла войну ни Италии, ни Германии, хотя и боролась шесть лет с агрессорами. Антиалбанская аргументация была усилена позицией Греции, резко возражавшей против допущения Албании в ООН и против ее дипломатического признания из-за того, что она якобы находится в состоянии войны с Грецией со времен итало-греческой войны октября 1940 — апреля 1941 г.

В этой обстановке с марта 1945 г. греки начали устраивать регулярные провокации на албанской границе. Дополнительное напряжение создал религиозно-церковный аспект конфликта. Епископ Пантелеймон Котоко (один из иерархов Албанской православной церкви, которая была признана самостоятельной только в 1936 г.) бежал из Албании в Грецию и создал там Комитет освобождения Северного Эпира. Деятельность этого Комитета была направлена на подготовку отторжения от Албании 1/3 ее территории [20, с. 351]. В результате вояжа владыки Котоко в США в американском сенате была составлена резолюция с требованием отдать Греции Северный Эпир и Додеканез. В ответ в Тиране заявили: «Для нас не существует вопрос о том, имеет ли Греция право требовать от нас территориальных уступок», так как Корча и Гирокастра признаны всеми международными документами, и «даже самими греками, как албанские». Вместе с тем Албания выдвинула встречное требование — предоставить ей имеющую албанское население Чамерию (Южный Эпир) [21, л. 51—52]. Именно в марте Черчилль, отвечая на вопрос в Палате общин, заявил, что на переговорах с греческой делегацией возможность аннексии Грецией какой-либо части Южной Албании не обсуждалась. Однако тут же, апеллируя к будущей мирной конференции, произнес крайне двусмысленную фразу: «...никакое устройство какой-либо части Европы не может быть эффективно осуществлено в отрыве от географической карты в целом. Имеются случаи, которые, как известно, выпадают из этой категории» [22, л. 16].

Таким образом, идея «Великой Албании» после разгрома и оккупации Греции и Югославии в апреле 1941 г. первоначально реализовывалась под эгидой Италии. В составе марионеточного квазигосударства был закреплен албанский Северный Эпир и оказался греческий Южный Эпир. Германские оккупационные власти, сменившие летом 1943 г.

итальянские, объявили курс на восстановление албанской независимости, «личная уния» Албании с Италией была отменена. Это обострило эпирский и косовский конфликты, которые стали выраженными факторами антифашистского движения в Албании, Греции и Югославии, а также серьезной проблемой их внутривосточного развития и межгосударственных отношений. На протяжении всего периода войны лидеры антифашистской коалиции окончательно так и не определили свое отношение к «албанскому вопросу». Если Лондон, воспринимавший все Балканы в качестве зоны своих интересов при опоре на Грецию как главный плацдарм, допускал изменение албано-греческой границы в пользу Афин, то Вашингтон этому противился. Позиция СССР отличалась нестабильностью и менялась под влиянием ситуации в регионе и развития собственных геополитических взглядов. Она трансформировалась от представлений о неизменности границы (конец 1941 г.), до гипотетической возможности даже ликвидации или раздела Албании (вторая половина 1943 г.), и наконец — все более определялась терпимым отношением к возможности изменения албано-греческой границы в пользу Тираны (первая половина 1945 г.). Именно в этот отрезок времени сложились предпосылки для ожесточенной дипломатической схватки между бывшими союзниками, разгоревшейся в 1945—1948 гг. вокруг проблемы Северного Эпира (Южной Албании) со взаимными албано-греческими территориальными притязаниями, но завершившейся признанием неизменности довоенной линии границы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сальков, А. П. Северный Эпир (Южная Албания): исторические корни конфликта в контактной зоне греческой «Мегалэ идэи» и идеи «Великой Албании» (середина XIX в. — 1921 г.) / А. П. Сальков // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2010. С. 193—208.
2. Сальков, А. П. Албано-греческий территориальный спор в Северном Эпире и советские интересы в Западно-Балканском регионе (1921—1941 гг.) / А. П. Сальков // Там же. Вып. 6. Мінск: БДУ, 2011. С. 174—184.
3. Смирнова, Н. Д. История Албании в XX веке / Н. Д. Смирнова. М.: Наука, 2003. 431 с.
4. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: документы и материалы: в 2 т. / МИД СССР. М.: Политиздат, 1983. Т. 1: 1941—1943. 542 с.
5. Документы внешней политики. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. Т. XXIV / редкол.: Е. П. Гусаров (председатель) [и др.]. М.: Междунар. отношения, 2000. 632 с.
6. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы: в 3 т. / МИД СССР. М.: Госполитиздат, 1946. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. 803 с.

7. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 067 (Референтура по Албании). Оп. 12. П. 102. Д. 3 — Материалы по Албании IV Европейского отдела НКВД.
8. СССР и германский вопрос. 1941—1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3 т. / сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М. : Междунар. отношения, 1996—2003. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. 1996. 784 с.
9. АВПРФ. Ф. 016 (Секретариат А. Е. Корнейчука). Оп. 1. П. 1 Д. 1 — Дневник Корнейчука.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 125. Д. 159 — «Внутреннее сообщение» за 1943 г.
11. АВПРФ. Ф. 067 (Референтура по Албании). Оп. 13. П. 103. Д. 13 — Ноты МИД Албании в миссию СССР, обзоры печати.
12. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг.: документы: в 2 т. / Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.]. М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 1: 1944—1948. — 1999. 687 с.
13. Краткая история Албании / отв. ред. Г. Л. Арш. М. : Наука, 1992. 512 с.
14. *Ржешевский, О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии, 1941—1945 / О. А. Ржешевский. М. : Наука, 2004. 564 с.
15. АВПРФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 6. П. 14. Д. 149 — Материалы Комиссии Литвинова.
16. *Кирьякидис, Г. Д.* Греция во Второй мировой войне / Г. Д. Кирьякидис. М. : Наука, 1967. 362 с.
17. *Шеменков, К. А.* Греция: проблемы современной истории / К. А. Шеменков. М. : Мысль, 1987. 287 с.
18. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]: в 2 т. М.; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998. Т. 1: 1944—1948. — 1997. 985 с.
19. *Димитров, Георги.* Дневник, март 1933 — февруари 1949. Избрано / Георги Димитров. София : «Изток-Запад», 2003. 509 с.
20. *Волокитина, Т. В.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40—50-х годов XX века: очерки истории / Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. М. : РОССПЭН : Фонд Б. Н. Ельцина, 2008. 807 с.
21. РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 128. Д. 96 — Записки Отдела международной информации.
22. АВПРФ. Ф. 0431/1 (I сессия СМВД в Лондоне, 1945 г.). Оп. 1. П. 8. Д. 49 — Документы и протоколы.

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

В статье рассмотрен территориальный спор вокруг Северного Эпира в 1941—1945 гг., который определял албано-греческие противоречия. Он развивался в условиях соперничества великих держав за влияние в Западно-Балканском регионе. СССР имел здесь определенные интересы, но на протяжении Второй мировой войны они неоднократно менялись под влиянием собственных геополитических взглядов.

In clause the territorial conflict about Noth Epir in 1941—1945 is considered, which was determined the whole of Albanian-Greek controversy. It developed in conditions of rivalry of the Great Powers for influence in Western-Balkan region. The USSR had here certain interests, but throughout the World War II they repeatedly changed under the influence of own geopolitical sights.